

Камилла Рэй

Страсть
эльфийского
стража

18+

Камилла Рэй

Страсть эльфийского стража

<https://litres.ru/74273143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Запретные земли. Запретное влечение. Древняя магия, которая не оставляет выбора.

Молодая ученая Лира получает редчайшую возможность — исследовать священные, запретные для людей земли древних эльфов. Ее единственный спутник и страж — Каэлан, безупречный эльфийский воин, для которого долг и дисциплина значат всё. Он презирает ее человеческую неловкость и видит в ней лишь угрозу многовековому покою своих владений.

Между ними пропасть вековой вражды и предрассудков. Но древний лес, в чьи тайны она так жаждет проникнуть, имеет свои планы. Его духи признали их парой, а его магия, подобная опьяняющим феромонам, начинает витать в воздухе, пробуждая то, что они так отчаянно пытались скрыть.

Холодное сердце эльфа-стража и пылкая душа человека оказываются во власти силы старше любых запретов. Сдержанность превращается в ярость, ненависть — в неистовую, всепоглощающую страсть. Когда каждое прикосновение обжигает, а каждый взгляд разжигает огонь, остается только поддаться зову древней маг

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Камилла Рэй

Страсть эльфийского стража

Глава 1

Лес встретил меня прохладной, почти неестественной тишиной. Воздух, густой от запаха влажного мха, столетних кедров и чего-то еще, чего я не могла определить — магии, что ли, — щекотал ноздри. Я сделала глубокий вдох, поправляя ремень перекинутого через плечо тяжелого саквояжа с инструментами. Разрешение на изучение этих земель далось мне, получеловеку-полуэльфу, невероятно трудно, и теперь, находясь здесь, на запретной территории эльфов, я чувствовала одновременно восторг и легкий, щемящий страх. Мне дали добро только потому что за меня попросил мой наставник, очень опытный и знаменитый в своих кругах маг. Его уважали во всех землях в том числе эльфийских. А еще сыграло свою роль, что мои уши были все-таки такой же длины как у эльфов, а не человека. На этом сходства заканчивались.

Мой проводник — или, точнее, надзиратель — не заставил себя ждать.

Он возник из теней между древними стволами так бесшумно, что я вздрогнула, невольно сделав шаг назад. Эльф был высок и строен, его доспехи из приглушенного серого металла, похожего на мифрил, облегли тело с идеальной точностью, подчеркивая широкие плечи и узкую талию. Длинные волосы цвета лунного света были туго стянуты у основания шеи, что открывало безупречные, резкие черты лица: высокие скулы, прямой нос, губы, сложенные в тонкую, невыразительную линию. Но больше всего поражали его глаза. Холодные, цвета весеннего льда, они оценивали ее с безмятежным, почти брезгливым безразличием, в котором читалась вся многовековая история превосходства его расы. А вот я сразу почувствовала странную дрожь в теле...

— Лира из рода Альдеров? Изгнанников... — его голос был низким, бархатным, и в нем не было ни капли тепла.

— Да, это я, — я постаралась звучать уверенно, хотя внутри все сжалось. — Вы должно быть Каэлан. Мне сказали, что вы будете моим... зрителем.

— Меня направили быть вашим стражем и гарантировать, что ваши изыскания не нарушат покой священных рощ и не навлекут беду, — поправил он меня, ни единой мышцей не выказав эмоций. Его взгляд скользнул по моему саквою, по простой дорожной одежде, задержался на непослушной пряди рыжих волос, выбившейся из моего пучка. В его взгляде не было интереса, лишь холодная констатация факта: здесь есть нечто неуместное, неупорядоченное. — Вы бу-

дете следовать моим указаниям без пререканий. Не отклоняться от тропы. Не прикасаться к артефактам без моего дозволения. Не произносить заклинаний. Ясно?

— Совершенно, — я кивнула, чувствуя, как нарастает легкое раздражение. Я была ученым, а не непослушным ребенком, пускай я и полукровка, относиться ко мне так нельзя. — Я здесь чтобы наблюдать и документировать, не более того.

— Следуйте за мной, — это было все, что он сказал, развернувшись и двинувшись по едва заметной тропе. Я последовала за ним.

Он шел так же бесшумно, как и появился, его плащ не шелестел, доспехи не лязгали. Мне приходилось прилагать усилия, чтобы не отстать, ее ботинки с глухим стуком отдавались по земле, шуршали по опавшей листве, нарушая идеальную тишину леса. Я невольно залюбовалась его грацией, тем, как легко он движется, будто невесомый. И это раздражало ее еще сильнее.

Через несколько минут пути тропа пошла в гору. Я, отягощенная грузом, запнулась о выступающий корень, ахнула, потеряв равновесие, и полетела вперед.

Но падения не последовало.

Его рука в кожаной перчатке молниеносно обхватила мое запястье, остановив падение. Прикосновение было твердым, уверенным, но не грубым. Сквозь тонкую кожу перчатки я почувствовала неестественный, обжигающий жар его кожи.

— Смотрите под ноги, — его голос прозвучал прямо у

моего уха. Он не отдернул руку сразу, позволив мне обрести опору. Его ледяные глаза прищурились, изучая мое лицо, залитое румянцем смущения. — Человеческая неловкость может быть смертельна в этих местах.

Я выдернула руку, сердце бешено колотилось в груди — от испуга, от унижения, от чего-то еще.

— Спасибо, — выдохнула, стараясь не смотреть ему в глаза. — Я буду... осторожнее.

Только тогда он разжал пальцы. Но в воздухе между нами повисло новое, невысказанное напряжение. Миг телесного контакта, короткий и функциональный, вдруг показался мне невероятно интимным. Я поймала на себе его взгляд — все такой же холодный, но теперь в его глубине, казалось, плескалось что-то иное. Микроскопическая трещина в ледяной броне. Вокруг будто что-то начало вибрировать.

Он развернулся и снова зашагал вперед, еще быстрее прежнего, будто стремясь убежать от этого мгновения.

А я, поправляя ремень саквояжа, последовала за ним, все еще чувствуя на коже жгучее прикосновение эльфийского стража и понимая, что мои исследования в этом лесу могут пойти совсем не по тому плану, который я представляла.

Я шла за Каэланом, и мой взгляд, против воли, прилип к его спине. К игре мускулов, к уверенным движениям его бедер, к тому, как затянут ремень его меча, подчеркивая стройность талии.

Мы остановились у ручья, и он, пригнувшись, зачерпнул

воду ладонями. Солнечный луч пробился сквозь листву и упал на его шею, на влажную кожу у линии волос. Я замерла, наблюдая, как капля скатывается по его напряженной шее вниз, под воротник.

И вдруг мое сознание пронзила яркая, обжигающая картина. Не мысль, а чистое, животное ощущение. Он. Он прижимает меня к шершавой коре древнего кедра. Нежно и в то же время неумолимо. Его тело, все целиком, прижимается к моему, и я чувствует каждую его твердую мышцу, каждое движение. Его холодные глаза полыхают наконец-то вырвавшимся на свободу огнем. Его губы, поджатые в строгую линию,...

...Боже правый...

Я резко отвела взгляд, сердце заколотилось как бешеное, по щекам разлился густой румянец. Я сглотнула комок в горле, чувствуя, как по телу разливается теплая волна стыда. Потрясла головой, пытаюсь отогнать наваждение.

Что со мной? Он же... он меня на дух не переносит. Это место. Магия этого леса сводит меня с ума.

Но оправдание не работало. Образ был слишком ярким, слишком реален. Я снова рискнула взглянуть на него. Он выпрямился, вытирая рот тыльной стороной руки, и его взгляд скользнул по моему покрасневшему лицу. В его глазах мелькнул безмолвный вопрос.

И в этот миг я поняла, что опасность в этом лесу исходит не от древних руин или магических ловушек. Самая страш-

ная и сладостная опасность смотрела на меня глазами цвета весеннего льда.

Я все еще пыталась отогнать навязчивую, стыдную картинку, вспыхнувшую в моем сознании, когда первый аромат ударил мне в ноздри.

Это был не просто запах хвои и влажной земли. Это было что-то новое, густое, почти осязаемое. Сладкий, пьянящий нектар ночных цветов, смешанный с пряным, древесным ароматом, который напоминал мне о теплой коже и... о чем-то еще, первозданном и диком.

Я вынужденно глубоко вдохнула, и странное тепло разлилось по моим жилам, затуманивая мысли, приглушая голос разума. Тревога и смущение стали уступать место иному, более настойчивому чувству. Мой взгляд снова нашел Каэлана.

Он тоже замер. Его идеальная, отточенная поза внезапно показалась напряженной. Он медленно повернул голову, и его ледяные глаза сузились, изучая воздух вокруг, будто пытаясь уловить невидимую угрозу. Его ноздри чуть заметно вздрогнули.

— Вы чувствуете это? — его голос прозвучал тише, низким, вибрирующим бархатом, в котором угадывалось напряжение.

— Да, — прошептала я, и мой собственный голос показался хриплым и чужим. — Что это?

— Дух рощи, — его ответ был отрывист. Он отвел взгляд, но я успела заметить, как в его обычно бесстрастных глазах

вспыхнула искра... тревоги? Нет, чего-то более глубокого. Животного. — Он... реагирует на тебя. На нас.

Нас. Это слово повисло в пьяном воздухе, обретая вес и значение.

Я посмотрела на могучий кедр рядом с нами. С его коры, теплой и живой под лучами солнца, поднимался едва заметный пар, неся тот же опьяняющий аромат. Капли смолы на кедре блестели, как янтарь, и пахли так сладко, что кружилась голова. Даже легкий ветерок, шелестящий, казалось, не охлаждал кожу, а ласкал ее, нашептывая древние, непонятные, но откровенные обещания.

Лес не просто наблюдал. Он участвовал. Он видел в них пару. И он решил помочь.

Каэлан сжал кулаки, и Лира увидела, как напряглись мышцы его предплечий. Он боролся с этим. Боролся с ядом, пьянящим, как самое изысканное вино, который проникал в кровь, разжигал ее и притуплял его вековые запреты.

— Нам нужно... двигаться дальше, — произнес он, но в его голосе не было прежней уверенности. Это была просьба, обращенная скорее к самому себе.

Но я уже почти не слышала его. Моя фантазия, еще недавно такая стыдная и мимолетная, теперь казалась единственно возможной реальностью. Я смотрела на его сильные руки, представляя, как они обхватывают меня, прижимают к тому самому кедру. Я видела, как его грудь тяжело вздымается в такт моему собственному дыханию. Я хотела, чтобы его хо-

лод растаял под моим прикосновением, чтобы его сдержанность рухнула под напором этой древней, магической силы.

Феромоны леса витали вокруг нас, густые, как сироп, опутывая невидимыми нитями, тянущими нас друг к другу. Это было заклинание, старше любого эльфийского запрета. И сопротивляться ему становилось все труднее с каждым новым, пьяным вдохом.

Он сделал рывок ко мне и прижал меня к дереву...

Глава 2

Пьянящий аромат леса ударил в голову, как самое крепкое вино. Я уже не могла думать ни о чем, кроме него. О том, как его тело, всего мгновение назад бывшее воплощением сдержанной силы, теперь излучало животный, первозданный жар.

Он не шагнул, он накрыл меня. Стремительно и неумолимо. Его руки, сильные и уверенные, обхватили мою талию, прижав к шершавой коре древнего дуба. Я вскрикнула от неожиданности, но звук застрял в горле, пойманный его взглядом. Лед растаял. Теперь в его глазах бушевало пламя, дикое и голодное, от которого перехватило дыхание.

— Каэлан... — прошептала я, и мой голос прозвучал как чуждый шепот.

Он не ответил. Его губы обрушились на мои с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Это был не поцелуй, а заявление. Завоевание. В нем не было нежности, только яростная, копившаяся веками страсть, вырвавшаяся на свободу. Я ответила ему с той же дикостью, впиваясь пальцами в его плащ, в его волосы, пытаюсь притянуть его ближе, стереть ту ничтожную дистанцию, что еще оставалась между нами. Будто это была не я...

Его пальцы дрожали, когда он коснулся застежки моего

походного платья. Я слышала его прерывистое дыхание у своего уха, чувствовала, как бешено стучит его сердце в унисон с моим. Он был... неистов. Совершенно не таким, каким представлялся мне прежде. Его прикосновения были грубы и в то же время бесконечно бережны, словно он боялся, что я рассыплюсь у него в руках, но не мог остановиться.

И вот... прохладный ночной воздух коснулся моей обнаженной кожи, груди, бутонов и я ахнула. Его ладонь на ней была обжигающе горячей. Мои сосочки будто наэлектризовались. Я откинула голову, теряя рассудок, готовясь отдаться этому безумию полностью. Было ощущение что именно для него я хранила свою невинность.

И в этот миг он замер.

Его тело напряглось, будто он только что очнулся от страшного сна. Он резко отстранился, его грудь тяжело вздымалась. В его глазах бушевала война между тем, чего он желал, и тем, кем он должен был быть.

— Нет... — его голос прозвучал хрипло, почти как рычание. — Я не могу... Это недопустимо.

Он отшатнулся от меня, и впервые за все время я увидела его... всего. Без призмы его холодной сдержанности. Он стоял, освещенный вечерним светом, и я, наконец, осознала. Он был огромен. Не просто высок и строен, как подобает эльфу. Его плечи были невероятно широки, мышцы спины и рук, обычно скрытые доспехами и одеждой, были мощными, гипертрофированно развитыми, как у лучшего из челове-

ских воинов после десяти лет тренировок. В нем чувствовалась не эльфийская грация, а грубая, первозданная сила, сдерживаемая волей.

Он был... другим. Не таким, как его сородичи.

И этот внезапный ужас в его глазах, эта ярость, направленная на самого себя, были не только из-за нарушенного долга. Это был страх того, что он едва не раскрыл мне свою истинную природу. Ту самую, что скрывалась за маской безупречного стража.

Я почувствовала, как это оглушающее безумие начало медленно отпускать меня, отступать, оставляя после себя лишь дрожь в коленях и вихрь стыда и смущения. Я посмотрела вокруг с недоумением — мы прошли не так уж и много, и времени с момента нашего... взрыва... прошло всего несколько минут. Но оно растянулось в вечность.

Взгляд Каэлана снова стал прежним, ледяным, отстраненным, отполированным до безупречного блеска, как его доспехи. Он взял себя в руки с той же железной волей, с какой обнажал клинок. А я... я от себя такого никогда не ожидала. Я никогда не была с мужчиной, храня невинность как нечто сокровенное, и вот сейчас, под взглядом этого эльфа, я с ужасом и восторгом осознала, что была готова отдать ее ему без тени сомнения. От этих мыслей по моим щекам разлился густой, предательский румянец.

Я снова рискнула взглянуть на него. Он сначала что-то хотел сказать. Его губы дрогнули, но слова застряли где-то

внутри. Вместо этого он резко, почти грубо, шагнул ко мне и молча принялся застегивать застёжки моего походного платья. Его пальцы, всего минуту назад ласкавшие мою кожу с такой вызывающей дрожью нежностью, теперь были холодны и неуклюжи, движения — резкие, отрывистые.

Я затаила дыхание, осознание накатывало на меня новой, унижительной волной. Я ведь была перед ним почти по пояс голая. Он видел мою грудь, чувствовал ее под своей ладонью. Ни один мужчина за все мои годы не видел меня обнаженной, не целовал так и не трогал так. А он... он сделал все это за несколько мгновений, сокрушив все мои преграды.

Сейчас мой страж был жесток и груб, он делал все рывками, и от этой резкости внутри меня что-то надломилось. Я поняла, что я взрослая женщина и могу справиться сама.

— Позвольте, я сама, — тихо, но твердо попыталась я перехватить инициативу, вернуть себе хоть крупицу контроля.

Но он мне не позволил. Его пальцы лишь сильнее сжали ткань, пришпилив меня к месту. Он снова задышал тяжело и яростно, будто эта простая задача, застегнуть платье, была для него сложнейшей битвой. Каждая застёжка щелкала с тихим, окончательным звуком, словно запирая случившееся глубоко внутри.

Когда последняя застёжка была на своем месте, он не сразу убрал руки. Он замер, его ладони все еще лежали на моих плечах, тяжелые и горячие. И тогда он медленно поднял на меня взгляд. Лед в его глазах треснул, и сквозь щели про-

глянула бездонная, дикая пустота — смесь ярости, желания и такого всепоглощающего стыда, что мое собственное смущение померкло перед ним.

В его взгляде не было ответов. Была лишь тихая буря, и я понимала, что мы оба навсегда застряли в ее эпицентре.

Не отпуская моих плеч, он посмотрел вокруг. Его взгляд блуждал, изучая каждую тень меж деревьев, каждый шелест листвы, ставший вдруг зловещим.

— Мы потеряли время... — проронил он, глядя не на меня, а куда-то вглубь сгущающихся сумерек. — Нам надо скоро разбить лагерь. Слушайся меня и не отходи ни на шаг. Мы своим... поведением... разбудили не только добрых духов этого места.

— Я не понимаю, — выдохнула я, искренне недоумевая. — Я веду себя странно. Почему это происходит с нами?

Я стояла, не зная, что делать. Скинуть его руки с моих плеч или позволить им остаться. Дурман рассеялся, но внутри меня все перевернулось с ног на голову. Мое тело жаждало этого мужчину, этого эльфа, с немыслимой, пугающей силой. Но вместе с тем я его безумно боялась. Для таких, как он, я была лишь букашкой, недостойным существом, которое по праву сильного можно раздавить.

Он разжал пальцы и наконец отошел, разорвав эту порочную связь. Его взгляд снова стал серьезным и уничтожающим.

— Я надеялся, мы дойдем до подходящего места до на-

ступления ночи, — начал он, и его голос звучал глухо, будто из-под земли. — Но, как я и сказал, духи решили поиграть с нами. Ты вызвала... очень странную реакцию. Это удивительно. Полукровки обычно недостойны их внимания.

Последние слова он произнес с какой-то странной, горькой интонацией. " Он и сам полукровка, " - пронеслось у меня в голове. Значит, он удивлен, что духи выбрали для своих игр и его тоже.

— Может, помолиться им? Попросить их оставить нас в покое? — тихо спросила я, невольно прижимая руки к груди, все еще чувствуя на коже жар его прикосновений.

Он резко повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнула настоящая ярость.

— Не смей даже говорить о таком! — прошипел он так тихо и так жестко, что меня бросило в дрожь.

И именно в этот миг я поняла. Он перешел на «ты». Странно, но это прозвучало куда естественнее, чем все его прежние холодные «вы». Я же все еще не могла позволить себе такой фамильярности. Пропасть между нами никуда не исчезла, она лишь стала иной. Теперь мы стояли по разные стороны бездны, связанные общим стыдом и тайной.

Он отвернулся, снова надевая маску безупречного стража, но трещина была видна невооруженным глазом. Лес вокруг будто затаил дыхание, ожидая, что же мы сделаем дальше. А я ждала этого же от него...

Глава 3

Солнце окончательно скрылось за зубчатым гребнем гор, и в лес спустились сиреневые сумерки. Мы шли молча, и лишь хруст веток под моими неуклюжими ботинками нарушал наступившую тишину. Каэлан двигался бесшумно, как призрак, его темный плащ сливался с тенями.

Я украдкой наблюдала за ним. Время от времени он оборачивался, бросая на меня быстрый, оценивающий взгляд — все ли в порядке, не отстаю ли я. Но теперь в его ледяных глазах, помимо привычной настороженности, читалось нечто новое. Неловкость? Смущение? А может, то же самое недоумение, что терзало и меня. Он поймал мой взгляд, и его собственный на миг задержался, прежде чем он резко отвернулся, снова уставившись в чащу. Казалось, он не мог смотреть на меня, не вспоминая то, что произошло у дуба. И это сводило меня с ума.

А внутри у меня все горело. Каждый его взгляд, каждый мускул на его спине, игравший под тканью при движении, заставлял кровь бежать быстрее. Мне дико хотелось снова прикоснуться к нему. Не в порыве безумия, а осознанно. Просто дотронуться до его руки, чтобы ощутить тот самый жар, убедиться, что это было наяву. Я сжимала пальцы в кулаки, пряча их в складках платья, борясь с этой глупой, навязчи-

вой потребностью.

Наконец мы вышли на небольшую поляну, окруженную высокими, искривленными ивами, чьи ветви образовывали купол. Воздух здесь был чище, а магия ощущалась не как давящая сила, а как нежное, пульсирующее свечение.

— Здесь, — коротко бросил Каэлан, сбрасывая с плеча свою котомку. — Будем ночевать.

Пока он, не теряя времени, начинал расчищать место для костра и устанавливать малый защитный барьер, его пальцы выводили в воздухе сложные эльфийские руны, которые светились и таяли, я не могла оторвать глаз от окружающего волшебства.

Ночной лес просыпался. Из-под мха и у корней деревьев пробивалось мягкое бирюзовое сияние грибов, похожих на крошечные фонарики. Цветы, днем выглядевшие как обычные полевые колокольчики, теперь раскрывали свои чашечки, источая серебристое свечение и сладкий, дурманящий аромат. Даже кора на некоторых деревьях мерцала призрачным светом, словно под ней текли жидкие звезды.

Сердце ученого во мне затрепетало. Я забыла о смущении, о путанице в чувствах. Я торопливо раскрыла свой саквояж, достала блокнот и уголь.

— Можно? — робко спросила я, указывая на ближайший светящийся мох. — Я просто сделаю пометки и возьму крошечный образец. Обещаю, ничему не наврежу.

Каэлан, воткнув в землю последнюю ветвь для периметра,

обернулся. Его взгляд скользнул по моим пальцам, по блокноту, по моему лицу, залитому немым восторгом. В его глазах мелькнуло что-то... почти снисходительное.

— Делай быстро, — разрешил он наконец, и в его голосе не было прежней жесткости. — Но не отходи дальше чем на три шага от круга.

Я кивнула и, стараясь не издавать лишнего шума, принялась за работу. Я зарисовывала причудливые узоры свечения, делала пометки о текстуре и запахе, аккуратно срезала лезвием крошечный кусочек мха и упаковала его в специальный мешочек. В эти моменты я была в своей стихии. Я украдкой поглядывала на Каэлана. Он закончил с барьером и теперь разводил костер, его профиль был серьезен и сосредоточен в колеблющемся свете первых язычков пламени. И странное чувство покоя, смешанное с все тем же навязчивым желанием, опустилось на меня. Мы были заперты в этом магическом круге вдвоем, а весь мир с его запретами и предрассудками остался где-то там, в темноте.

Я была так поглощена зарисовкой причудливого узора на коре, что не услышала его бесшумного приближения. Я лишь почувствовала, как воздух вокруг сдвинулся, и от его тела повеяло теплом. Он присел рядом со мной на корточки, так близко, что рукав его плаща коснулся моего предплечья.

Я вздрогнула от неожиданности и, довольная его внезапной близостью, резко повернулась, чтобы посмотреть на него и потеряла равновесие. Моя рука со всей неловкостью упер-

лась в его твердую грудь, а я сама чуть не опрокинулась назад. Его рука молниеносно обвила мою талию, чтобы удержать.

Мы замерли. Его лицо было так близко, что я могла разглядеть мельчайшие черточки в глубине его ледяных глаз, которые теперь горели изнутри странным золотым светом. Его дыхание, сбившееся и теплое, касалось моих губ. Воздух вокруг снова сгустился, наполнившись тем самым пьянящим ароматом леса, но теперь в нем чувствовалась и его собственная, дикая сущность.

— Прости... — прошептала я, но слова застряли в горле.

— Не извиняйся, — его голос прозвучал низко, почти как рычание, но в нем не было гнева. Была лишь непереносимая напряженность. Его взгляд скользнул по моим губам. — Ты... Ты свела меня с ума с первой секунды. Своей наглостью. Своим любопытством. Этим светом, что исходит от тебя.

Его слова, тихие и горькие, падали между нами, как закливание. Он говорил то, что не должен был говорить. То, что я сама чувствовала, но боялась признать.

— Я не могу больше бороться с этим, — признался он, и его пальцы впились в мою спину чуть сильнее, притягивая меня еще ближе. — Лес хочет этого. Я хочу этого.

И это было все, что было нужно. Какая-то невидимая нить, что держала нас на расстоянии, лопнула. Его губы нашли мои, но на этот раз в его поцелуе не было ярости. Была

лишь оглушительная, всепоглощающая необходимость. Это был поцелуй-откровение, поцелуй-падение. Мир сузился до точки — до нас двоих, до шепота листьев над головой, до тепла его рук и вкуса его губ.

Он был бесконечно нежен, но в то же время неумолим. Каждое его прикосновение было и вопросом, и ответом. Он снимал с меня платье, и его пальцы дрожали, но движения были твердыми. И когда прохладный воздух коснулся кожи, я невольно сжалась, и из груди вырвался сдавленный, испуганный вздох.

— Я... я боюсь, — прошептала я, отводя взгляд, чувствуя, как пылают щеки. — Я никогда... я невинна.

Он замер, и я почувствовала, как вздрогнули его руки. Он отстранился всего на дюйм, чтобы посмотреть мне в глаза, и в его взгляде я увидела не насмешку, а самое настоящее, оглушительное изумление.

— Никогда? — переспросил он тихо, и его голос звучал хрипло и непривычно мягко. Его большой палец нежно провел по моей щеке. — Ни один мужчина... ни один эльф?...

Я лишь молча покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. И тогда что-то в его выражении лица окончательно смягчилось. Суровость стража растаяла без следа, обнажив что-то древнее, первозданное и бесконечно бережное.

— Не бойся, — он прошептал это слово, как величайшую тайну, касаясь моих губ кончиками пальцев. — Я никогда... я не встречал никого подобного тебе. Никогда. Я буду беречь

тебя как величайшую драгоценность.

И он сдержал слово. Его напор не исчез, но он облачил его в бесконечную нежность. Каждое его движение было продиктовано вниманием к моим реакциям, каждое прикосновение было посвящением. Он говорил со мной шепотом, бормотал что-то на своем языке, и слова звучали как древние заклинания, а лес вокруг, казалось, затаил дыхание, наблюдая за тем, как два одиноких сердца наконец-то находят друг друга в магических сумерках.

Он уложил меня на мягкий ковер из светящегося мха, и его сияние окутало нас призрачным ореолом. Его губы, лишь мгновение назад покинувшие мои, принялись исследовать кожу на моей шее, оставляя за собой огненный шлейф. Каждое прикосновение было мучительно медленным и осознанным, будто он стремился запомнить вкус моего тела.

Я закрыла глаза, позволив ощущениям захлестнуть себя с головой. Его дыхание было горячим на моей коже, его руки — твердыми и уверенными. Когда его губы нашли мою грудь, а язык коснулся затвердевшего, болезненно чувствительного соска, во мне все сжалось, а затем выпрямилось в немом крике. Я невольно выгнулась, и из моих губ вырвался сдавленный, прерывистый стон, который, казалось, повис в волшебном воздухе леса, став частью его ночной симфонии.

Он не спешил, отдавая дань каждому сантиметру моей кожи, и я тонула в этом головокружительном сочетании его силы и моей собственной уязвимости.

Его губы продолжали свой путь вниз. Его ладони мягко, но настойчиво раздвинули мои ноги, и я почувствовала прилив жгучего стыда, смешанного с пьянящим ожиданием. Мой взгляд метнулся к груди одежды на светящемся мху — моему походному платью и панталончикам... Я даже не заметила, когда он успел их снять. Это осознание заставило меня сгореть.

Но у меня не было времени для смущения. Его поцелуи опустились на внутреннюю поверхность моих бедер, заставляя меня вздрагивать от каждого прикосновения его губ. А затем... затем он склонился между моих ног. Его дыхание, горячее и влажное, коснулось самой сокровенной части меня, и я замерла, не в силах пошевелиться.

И тогда его язык прикоснулся ко мне. Нежно, почти робко, описывая медленные, витиеватые круги вокруг той самой чувствительной горошинки, что сводила меня с ума. Я вскрикнула, впиваясь пальцами в мох подо мной, мои бедра произвольно содрогнулись. В то же время его пальцы, грубоватые от мозолей, начали нежно, с бесконечным терпением, водить чуть ниже, у самого входа в мою пещерку, готовя меня, исследуя, но не проникая внутрь.

Это была пытка и блаженство одновременно. Мир сузился до этого места, до его рта, до его пальцев, до тихих, одобрительных звуков, которые он издавал, словно вкушая самый сладкий нектар. Я полностью отдалась ощущениям, позволив волне наслаждения смыть последние остатки стыда.

Тихие стоны вырывались из моих губ, сливаясь с шепотом ночного леса. То, что я чувствовала, было неопишимо — ослепительная, сладкая агония, сотканная из огня и бархата. Я звала его имя, сначала шепотом, а затем все громче, пока оно не превратилось в страстный крик, эхом разнесшийся под сенью древних деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.